

ЧАСТЬ IV

Глава 31

Стоял холодный январский день 1866 года. Скарлетт сидела в кабинете и писала письмо тетушке Питти, в десятый раз подробно объясняя, почему ни она, ни Мелани, ни Эшли не могут вернуться в Атланту. Она торопилась, прекрасно понимая, что тетя Питти прочтет лишь самое начало и тут же возьмется за ответ, жалобно причитая, что ей так страшно жить одной!

Руки у нее замерзли; отложив перо, Скарлетт потерла озябшие пальцы и поглубже зарылась ногами в старое одеяло. Подошвы ее туфель совсем износились, она залатала их кусочками ковра, чтобы не касаться пола голыми ступнями, но это не спасало от холода. Утром Уилл отправился в Джонсборо подковать лошадей. Скарлетт с мрачной усмешкой подумала, что дела совсем плохи, раз уж приходится заботиться о подковах для лошадей, когда люди ходят босиком, как дворовые псы.

Она снова взялась за перо, но тут же отложила его, заслышав шаги Уилла у черного хода. Его деревянная нога простучала в холле и затихла у двери в кабинет. Скарлетт немного выждала, но Уилл так и не появился. Тогда она сама позвала его. Уилл вошел и остановился, глядя на нее. Уши у него горели от холода, рыжеватые волосы растрепались, на губах играла легкая, чуть насмешливая улыбка.

— Сколько у вас, мисс Скарлетт, наличных денег? — спросил он.

— Ты что же это, Уилл, хочешь на мне жениться по расчету? — притворно рассердилась Скарлетт.

— Нет, мэм. Просто мне надо знать.

Она вопросительно посмотрела на него. Уилл не выглядел озабоченным — впрочем, озабоченным он не выглядел никогда, — но Скарлетт почувствовала: случилось что-то недоброе.

— У меня осталось еще десять долларов золотом из денег янки, — ответила она.

— Что ж, мэм, этого не хватит.

— Для чего не хватит?

— Чтоб заплатить налоги.

Он доковылял до камина, наклонился и протянул к огню покрасневшие от холода руки.

— Налоги? — переспросила Скарлетт. — Уилл, побойся бога! Мы уже уплатили все налоги.

— Да, мэм. Но они говорят, этого мало. Я сегодня в Джонсборо узнал.

— Ничего не понимаю, Уилл. О чем ты?

— Мисс Скарлетт, мне, конечно, жаль вас тревожить, у вас и без того забот хватает, но я обязан сказать. Говорят, заплатить вам нужно много больше, чем уже уплачено. Налог на Тару подняли до небес, уж поверьте мне, это самый высокий налог во всем округе.

— Но не могут же они заставить нас заново платить налог, когда мы уже уплатили все сполна!

— Мисс Скарлетт, вы не часто бываете в Джонсборо, и это даже хорошо. Теперь там не место для леди. А вот если б бывали, тогда знали бы, что там сейчас всем заправляет кучка мерзавцев: республиканцы с прихлебателями да «саквояжниками». Они бы вас до чертиков разозлили. А еще нефы нагличают, белых господ с тротуаров спихивают и...

— Да, но при чем тут наши налоги?

— Как раз к тому и веду, мисс Скарлетт. Эти мошенники, уж не знаю почему, решили взвинтить налоги на Тару, будто с нее тысячу кип хлопка получить можно. Я, как прослышал это, сразу кинулся собирать сплетни по салунам и вот что узнал: кто-то хочет купить Тару за гроши, когда ее за долги на шерифских торгах выставят, если вы новый налог не уплатите. А что уплатить вам не по силам, это всем хорошо известно. Не знаю только, кто именно зарится на Тару, не сумел выяснить. Но, думаю, Хилтон — тот трусливый тип, что женился на мисс Кэтлин, — знаете: уж больно недобро он смеялся, когда я его расспрашивал.

Уилл опустил на диван и принялся растирать обрубок ноги. По холодной погоде кулья ныла, а ходить на плохо обитом деревянном протезе было тяжело. Скарлетт уставилась на него в ярости. Как он может так спокойно рассуждать о потере Тары? Продажа с молотка? А им всем куда прикажете деваться? Отдать Тару в чужие руки? Нет, об этом даже думать нельзя!

Скарлетт так увлеклась возрождением Тары, что и думать забыла о происходящем вокруг. Если надо было съездить по делам в Джонсборо и Фейетвилл, она отправляла туда Уилла или Эшли, а сама совсем перестала выезжать из поместья. И точно так же, как раньше она не слушала разговоров отца о готовящейся войне, так и сейчас пропускала мимо ушей все, что Уилл и Эшли говорили о начале Реконструкции.

Конечно, она знала, что прихлебатели — это южане, ради выгоды переметнувшиеся к республиканцам, а «саквояжники» — небогатые янки, подобно стервятникам слетевшиеся на Юг после капитуляции, уместив все свои пожитки в один ковровый саквояж. Ей уже доводилось несколько раз сталкиваться с Бюро содействия свободным гражданам, и опыт оказался не из приятных. Еще она слыхала, будто некото-

рые негры стали слишком нахальными, но у нее это в голове не укладывалось: за всю свою жизнь Скарлетт не видела ни одного нахального негра.

О многих вещах Эшли и Уилл сговорились ей не рассказывать. Реконструкция лишь усугубила беды, принесенные войной, однако мужчины решили умалчивать в домашних разговорах о наиболее тревожных деталях. А Скарлетт если изредка и прислушивалась к их разговорам, у нее все равно в одно ухо влетало, а из другого тут же вылетало.

Она слышала, например, слова Эшли о том, что к Югу относятся как к завоеванной территории и что политикой завоевателей движет в основном месть, но решила, что ее это совершенно не касается. Политика — это для мужчин. Уилл тоже как-то раз говорил, что Север ни за что не даст Югу подняться из руин. Что ж, подумала Скарлетт, мужчины вечно забывают себе голову всяким вздором. А что до нее самой, считала Скарлетт, раз уж янки не удалось побить ее однажды, значит, это им не удастся и теперь. Главное — работать как вол и выбросить из головы глупости о правительстве янки. В конце концов, война-то кончилась!

Скарлетт даже не догадывалась, что правила игры изменились и что честным трудом теперь нельзя заработать ни цента. По сути, Джорджия оказалась на военном положении. Янки разместили свои войска по всей ее территории, Бюро содействия свободным гражданам творило произвол и повсеместно устанавливало удобные себе правила.

Бюро, созданное федеральным правительством для трудоустройства празднопатающих и бунтарски настроенных бывших рабов, тысячами переселяло их с плантаций в поселки и города. Бюро обеспечивало их едой, пока они бездельничали, и настраивало их против бывших хозяев. В местном представитель-

стве Бюро главным был Джонас Уилкерсон, бывший управляющий Джералда, а в помощниках у него ходил Хилтон, муж Кэтлин Калверт. Эти двое усердно распространяли слухи, будто южане и демократы выжидают удобного случая, чтобы снова сделать негров рабами, и что единственный шанс избежать нового рабства — встать под защиту Бюро и республиканской партии.

Уилкерсон и Хилтон внушали неграм, что те якобы ничем не хуже белых и что будто бы вскоре будут разрешены браки между черными и белыми, а собственность их бывших владельцев поделят, и каждый негр получит по сорок акров земли и мула в придачу. Они поддерживали недовольство среди негров историями о жестокости белых хозяев, и старые добрые отношения между рабами и их хозяевами уже стали вытесняться ненавистью и подозрениями.

В своей работе Бюро опиралось на поддержку военных, а военные издавали множество противоречивых указов о том, как следует себя вести жителям завоеванных территорий. Под арест можно было попасть даже за непочтительное отношение к чиновникам Бюро. Были изданы военные указы о школах, о чистоте и порядке, о том, какие следует носить пуговицы на сюртуках, о торговле предметами потребления и практически обо всем на свете. Уилкерсон и Хилтон получили право вмешиваться в любые сделки Скарлетт и назначать собственные цены на все, что она захотела бы продать или поменять.

К счастью, Скарлетт почти не приходилось сталкиваться с этими проходимцами: Уиллу удалось ее убедить, что ей лучше заниматься плантацией, а с торговыми делами он прекрасно справится сам. Со свойственной ему мягкостью Уилл уже уладил без ведома Скарлетт много подобных трудностей. При необходимости он умел ладить и с прихлебателями, и с янки.

Но новая проблема оказалась ему не по зубам. О повышении налогов и угрозе потерять Тару Скарлетт следовало дать знать немедленно.

Глаза Скарлетт яростно вспыхнули.

— Чертовы янки! — воскликнула она. — Мало того, что они вытрясли из нас все и довели до нищеты, так теперь еще и этих подлецов натравили?

Война закончилась, объявлен мир, а янки все еще могут ограбить ее, уморить голодом, выгнать из собственного дома. И до чего же она была глупа, полагая, что нужно лишь продержаться до весны, а все остальное уладится само собой. Сокрушительная новость, принесенная Уиллом, пришлась на самую тяжелую пору и стала последней каплей: весь год Скарлетт работала не разгибая спины, жила одной лишь надеждой и вот — дождалась.

— Ох, Уилл, а я-то думала, война кончилась, а с ней и все наши беды!

— Нет, мэм. — Он поднял свое простодушное деревенское лицо с лошадиной челюстью и посмотрел ей прямо в глаза. — Наши беды только начинаются.

— Сколько же они хотят с нас еще налогов?

— Триста долларов.

Ее будто оглушили. Три сотни долларов! Все равно что три миллиона.

— Но как же, — беспомощно забормотала она, — как же... мы должны как-нибудь достать эти триста долларов.

— Да, мэм, а еще радугу и луну в придачу.

— Но, Уилл! Они ведь не могут продать Тару. Как же...

Его светлые и обычно кроткие глаза вспыхнули такой ненавистью и горечью, что Скарлетт даже оторопела: ничего подобного она от него не ожидала.

— Не могут? И могут, и продадут, да еще и удовольствия получат! Мисс Скарлетт, наш край попал в самое пекло, извините за выражение. Эти «саквояжни-

ки» и прихлебатели имеют право голоса, а мы, демократы, — нет. Ни один демократ в этом штате не может голосовать, если в шестьдесят пятом в налоговых книгах за ним числилось больше двух тысяч долларов. В черный список попадают и ваш па, и мистер Тарлтон, и Макрей, и Фонтейны. Кто во время войны служил в чине полковника, тоже голосовать не может, а в нашем штате, мисс Скарлетт, бьюсь об заклад, полковников больше, чем во всей остальной Конфедерации. И кто состоял у правительства Конфедерации на службе, тоже без голоса, стало быть, выпадают все от нотариусов до судей, они теперь все по лесам прячутся! Янки хитрые: так устроили эту свою присягу на верность, что любой, кто до войны был хоть кем-то, сейчас голосовать не может. Словом, отмели всех, кто с мозгами, образованных и богатых.

Я-то, конечно, мог бы голосовать, кабы принял эту чертову присягу. Денег у меня в шестьдесят пятом не было, полковником я уж тем более не был и вообще никем. Да только не стану я им присягать. Ни за что на свете! Вот вели бы себя янки достойно, я бы присягнул, но теперь — ни за что. Можете включать меня в Союз, но подстраиваться под него я не стану. Не стану я им присягать, даже если меня навек лишат права голоса... а вот такой слизняк, как Хилтон, — он голосует, и проходимцы вроде Джонаса Уилкерсона, да белая шваль вроде Слэттери, да отщепенцы Макинтоши — они могут голосовать. И они теперь всем заправляют. Захотят удушить дополнительными налогами — они хоть дюжину на вас навесят. Захочет негр белого убить — пожалуйста! Его за это не повесят. Или же... — Уилл умолк, смешавшись, и оба они вспомнили, что случилось с белой женщиной на уединенной ферме неподалеку от Лавджоя. — Эти черномазые теперь могут делать с нами все, что им в голову взбредет, Бюро свободных граждан и солдаты

поддержат их, а мы ни в выборах поучаствовать не можем, ни поделаться ничего.

— Выборы! — воскликнула Скарлетт. — Выборы! Да разве выборы могут что-то изменить, Уилл? Мы ведь о налогах говорим... Уилл, всем известно, что Тара — отличная плантация. Мы могли бы заложить ее, и нам хватит денег уплатить налог.

— Вот умная вы женщина, мисс Скарлетт, а рассуждаете порой как самая что ни на есть дурочка. Кто даст вам денег под имущество? Кто, кроме «саквояжников»? А они так и так пытаются отобрать у вас Тару! У всех есть земля. И всем земли не хватает. Нельзя отдавать землю.

— У меня еще серьги с бриллиантами остались от янки. Мы могли бы их продать.

— Мисс Скарлетт, неужто вы думаете, что у кого-то здесь есть деньги на сережки? У людей на мясные обрезки денег нет, где им думать о побрякушках! И если у вас есть десять долларов золотом, клянусь богом, вы богаче всех остальных.

Снова повисла тишина. У Скарлетт было такое чувство, будто она бьется головой о каменную стену. Сколько же было за прошедший год таких каменных стен, которые ей пришлось пробивать головой?!

— И что мы делать будем, мисс Скарлетт?

— Не знаю, — пробормотала она и вдруг поняла, что ей все равно. Сил на эту новую стену уже не осталось. Скарлетт почувствовала, как от навалившейся усталости заломило кости. Зачем работать, бороться, изматывать себя, если в конце каждой битвы, словно издеваясь над тобой, уже поджидает поражение? — Не знаю, — повторила она, — но не говори об этом па. Это может его растрожить.

— Не скажу.

— Ты уже кому-нибудь сказал?

— Нет, я сразу отправился к вам.

Ну конечно, подумала Скарлетт, с плохими новостями все спешат прямо к ней, и она уже порядком устала от этого.

— А где мистер Уилкс? Может, он предложит какой-нибудь выход. — Уилл устремил на нее свой кроткий взгляд. Как и в тот первый день, когда Эшли вернулся домой, она почувствовала, что Уиллу все известно.

— В саду, колет дрова. Я слышал его топор, когда привязывал лошадь. Но денег у него уж точно не больше, чем у нас с вами.

— Это еще не значит, что я не могу с ним поговорить, если захочу, не так ли? — огрызнулась Скарлетт, вскакивая и отбрасывая пинком обрывок старого одеяла.

Уилл и бровью не повел, продолжая растирать озябшие руки у огня.

— Вы бы шаль накинули, мисс Скарлетт. На дворе сыро.

Но за шалью надо было подниматься наверх, а ей хотелось поскорее поделиться новостями с Эшли, и она выскочила в чем была.

Хоть бы он был там один! С тех пор как он вернулся, ей ни минутки не удалось побыть с ним наедине. Рядом всегда был кто-то из домашних, вечно за его рукав цеплялась Мелани, словно желая лишний раз удостовериться, что он на самом деле вернулся. Этот жест счастливого обладания всякий раз рождал в душе у Скарлетт неистовый всплеск ревнивой злобы, несколько притихшей за те месяцы, когда она думала, что Эшли погиб. Теперь она твердо решила встретиться с ним наедине. На этот раз никто не помешает ей поговорить с ним с глазу на глаз.

Скарлетт шла через сад. Голые ветви нависали над головой, ноги промокли в сырой траве. До нее доносился стук топора: Эшли обтесывал выловленные из

болота бревна на колья для забора. Восстановление изгородей, которые янки с таким азартом спалили, требовало сил и времени. Все требовало и сил и времени, подумала она устало, и все это ей надоело, опостылело, бесило до чертиков. Ах, если бы Эшли был ее мужем, а не мужем Мелани, какое это было бы счастье — подойти к нему, опустить голову ему на плечо, расплакаться и переложить на него свою ношу: пусть сам улаживает все как знает.

Она обогнула качающую ветвями на холодном ветру рощу гранатовых деревьев и увидела, как Эшли стоит, опираясь на свой топор, и оттирает пот со лба тыльной стороной ладони. На нем были старые, износившиеся серые брюки и одна из рубашек Джералда — та самая, с кружевными манжетами, которую в старые добрые времена ее отец надевал только в суд да на пикник. Новому владельцу она оказалась явно коротка. Работа шла жаркая, и Эшли перебросил сюртук через ветку дерева. Когда Скарлетт подошла, он как раз устроил передышку.

Увидев Эшли в обносках, с топором в руке, Скарлетт всем сердцем ощутила горячий прилив любви к нему и негодования на несправедливость судьбы. Больно было смотреть на Эшли — безусловно элегантно, не знающего забот Эшли, — одетого в лохмотья и занятого грубой работой. Его руки не созданы для тяжелой работы, а тело — для простой рабочей одежды. Ему на роду написано носить добротное сукно и тонкое белье, жить в богатом поместье и вести светские беседы с приятными людьми, играть на фортепиано и писать возвышенные, ничего не значащие стихи.

Она не роптала, глядя на своего собственного ребенка в фартуке из мешковины, на своих сестер в старых, застиранных ситцевых платьях, мирилась с тем, что Уилл надрывается, как негр в поле, но видеть не могла, как мучается Эшли. Такая жизнь не для него,

он слишком благороден и бесконечно дорог ее сердцу. Уж лучше самой колоть дрова, лишь бы не страдать, глядя, как этим занимается он.

— Говорят, Эйб Линкольн начинал с колки дров, — сказал он, когда она подошла ближе. — Представляете, к каким высотам я могу подняться!

Скарлетт нахмурилась. Он вечно подшучивал над их нелегким положением. Для нее же все имело важность и значение, поэтому его шуточки порой просто бесили ее.

Без подготовки она в двух словах выложила все принесенные Уиллом новости, чувствуя облегчение с каждым словом. Наверняка Эшли что-нибудь придумает. Он не сказал ни слова, лишь накинул ей на плечи свой сюртук, заметив, что она дрожит.

— Что ж, — прервала молчание Скарлетт, — не кажется ли вам, что нам нужно где-то раздобыть денег?

— Да, — ответил он, — но как?

— Это я вас спрашиваю, — ответила она с раздражением.

Чувство облегчения от того, что она поделилась с ним своими трудностями, испарилось. Пусть он не знает, что делать, но почему не утешит ее, почему не скажет... ну хотя бы что-то вроде: «О, мне так жаль»?

Он улыбнулся.

— С тех пор, как я вернулся сюда после войны, мне приходилось слышать только об одном человеке, у которого водятся деньги. Это Ретт Батлер, — сказал Эшли.

Неделю назад тетушка Питтипэт написала Мелани, что Ретт вернулся в Атланту с экипажем, парой отличных лошадей и полными карманами денег. Правда, она намекнула, что эти деньги достались ему нечестным путем, и поделилась предположением, о котором говорили по всей Атланте: Ретт каким-то образом присвоил мифические миллионы казны конфедератов.